

- Эта парочка нас за пешек держит.

Гу Цзэ еще на первом слоге наполовину повернулся к И Яньци, идеально запечатлев смену эмоций на его лице — то бледнеющего, то темнеющего, — и чуть сам не рассмеялся.

Он подумал, что этот его друг детства, пожалуй, немного ошарашен и не понимает, какого черта он творит. Но нельзя было не признавать: Гу Цзэ получал огромное удовольствие, дразня окружающих, и с самого детства обожал наблюдать, как этот тихий ледяной чурбан покрывается трещинами от злости.

Это было действительно забавно.

Однако больше всего потрясены были друзья Гу Цзэ, особенно Чжао Личуань и Шан Жун, у которых от удивления чуть глаза из орбит не вылезли.

Шан Жун даже протянул руку, чтобы потрогать его лоб, и с изумлением произнес:

- Тебя что, призраки во сне попутали?

- Это тебя мои призраки попутали, - Гу Цзэ отмахнулся от его руки и снова поднял табличку. - Прошу прощения, не судите строго. Итак, двадцать тысяч сто, плачу я.

Чжун Юйсю весело рассмеялась:

- Да тебя жаба задушит!

Молоток ударил три раза, сделка состоялась.

То ли со злости, то ли от стыда И Яньци действительно больше не стал поднимать табличку.

Гу Цзэ бросил на него через плечо косой взгляд: лицо этого парня снова покрылось ледяной коркой, быстрее, чем в морозильной камере.

Он усмехнулся, разблокировал телефон и застучал по экрану: «Ты же сначала не хотел его брать, почему стал перебивать, как только я назвал цену? Так сильно хочется со мной соперничать?»

Глава 6. Кольцевая горная дорога

Отправив сообщение, Гу Цзэ оглянулся: И Яньци как раз опустил взгляд и разблокировал свой телефон. Гу Цзэ снова откинулся на спинку сиденья, глядя, как наверху экрана несколько раз

появляется и исчезает надпись «Печатает...», пока наконец не выскочило сообщение: «Зачем ты купил табакерку?»

Гу Цзэ нахмурился. Не слишком ли этот парень заикнулся на данной табакерке?

Одинокий горный волк Севера: «Просто приглянулась»

Одинокий горный волк Севера: «Отвечай на мой вопрос»

Там снова помолчали какое-то время, прежде чем написать: «Пусть будет так»

Гу Цзэ едва не задохнулся от смеха: раз не хочешь нормально говорить, ну и ладно. Он уже собирался погасить экран телефона, как пришло новое сообщение: «Впредь прошу не шутить так небрежно на публике, мне это не нравится».

Гу Цзэ приподнял бровь: «С каких это пор мои слова стали шуткой?»

Законный брак — это факт, и он не имеет права это отрицать.

Конечно же, собеседник снова умолк. Спустя мгновение, словно потеряв всякое терпение, прилетел прямой ответ: «Пожалуйста, не используй меня как предлог для ссор со своим любовником, чтобы позлить его. Я не заинтересован в участии в ваших любовных играх».

Гу Цзэ чуть не расхохотался: «И к какому же выводу ты пришел?»

«Генеральный директор И, будучи столь занятым человеком, все еще находит время каждую ночь смотреть слезливые мыльные оперы? Если у тебя к этому такой талант, предлагаю сменить профессию и податься в сценаристы. Могу попросить Шан Жуна, чтобы он свел тебя с нужными людьми».

На том конце замолчали, исчезла даже надпись «Печатает...». Язык у И Яньци был острым, но при встрече с Гу Цзэ и ему приходилось сматывать удочки.

«Ладно, хватит язвить. Я вовсе не собирался делать из тебя пешку, а с Цинь Ся мы действительно собираемся порвать. Веришь ты мне или нет, но твой покорный слуга намерен всерьез заняться карьерой».

«Мы женаты почти два года, и по моей вине мы не только не получили того взаимовыгодного союза, на который рассчитывали семьи, но и огребли сплошной негатив. Не кажется ли тебе, что это колоссальная трата времени? Лучше поздно, чем никогда, так что, генеральный директор И, впредь я буду рассчитывать на то, что ты подыграешь мне в этой идиллии. Вернем семьям Гу и И доброе имя, заодно и курс акций немного поднимем, как тебе идея?»

Отправив сообщение, Гу Цзэ подумал еще немного и допечатал: «Забудь про фразу «как тебе идея»».

«Смайлик с улыбкой».

Это означало уведомление, а не вопрос. В нем присутствовала доля соперничества: хотя Гу Цзэ и знал, что И Яньци на самом деле не так уж сильно его ненавидит, в их будущем тесном сотрудничестве инициативу все же стоило удерживать в своих руках.

Он думал, что И Яньци начнет препираться, но тот неожиданно ответил: «Мне всё равно».

Гу Цзэ: «.....»

Ладно, хорошо, ничего не скажешь.

«Раз так, отдай мне табакерку», – снова написал И Яньци.

Гу Цзэ и впрямь стало любопытно: «Чего ты к ней привязался? Назови причину».

На этот раз И Яньци ответил очень быстро: «Приглянулась».

Гу Цзэ: «.....»

Гу Цзэ: «Генеральный директор И, ты неискренен».

И Яньци больше ничего не ответил.

Пожалуй, это был первый раз, когда И Яньци публично потерял счет времени, так долго пялясь в экран телефона. Это привлекло внимание сидевшего рядом молодого господина из семьи Сун, который то и дело поглядывал на него с таким удивлением, словно примерный ученик вдруг вздумал отвлечься на уроке.

Фраза «Ты неискренен» вывела И Яньци из задумчивости. На самом деле он редко предавался воспоминаниям: элитное воспитание, впитанное с детства, внушало ему, что греться в лучах приятных воспоминаний ради утешения перед сном — удел слабых и трусов, поэтому он никогда себе такого не позволял.

Но сегодня все было иначе. Собеседник сам завел об этом разговор, так что можно было позволить себе на мгновение предаться ностальгии.

Похоже, это было еще в начальной школе. Стоило в элитной школе закончиться занятиям, как

у ворот тут же выстраивались ряды роскошных машин. Родители детей из таких семей были в основном слишком заняты, поэтому за ними чаще всего приезжали водители и няни.

Но Гу Цзэ был другим. Притом что его семья была самой богатой, родители умудрялись каждый день вовремя приезжать к школьным воротам вместе со всякими вкусняшками, чтобы забрать сына.

И Яньци обычно стоял в сторонке с рюкзаком за плечами и наблюдал, как Гу Цзэ со своими лучшими друзьями выпархивает из школы, словно бабочка, вовсю машет на прощание рукой и садится в машину, чтобы радостно уехать домой.

Проводив Гу Цзэ взглядом, И Яньци принимался за собственное ожидание. Его семья тоже была очень богатой, но машина, заезжавшая за ним, всегда опаздывала. Иногда чуть-чуть, а иногда очень надолго.

И Яньци ждал молча. Он ничего не ждал от машины, которая за ним приедет, потому что в ней сидел лишь хмурый водитель, кутивший прямо во время езды. И от возвращения домой он тоже ничего не ждал, потому что там его ждала лишь домработница, уходившая сразу после приготовления ужина.

Выйдя из машины, он часто смотрел на особняк напротив их собственного. Это тоже был особняк, сияющий огнями и полный семейного тепла — дом семьи Гу.

Возможно, его шпионские замашки были слишком очевидны. В один из дней после занятий Гу Цзэ, попрощавшись с друзьями, не стал сразу садиться в машину, а повернулся и замер в лучах последнего заката, глядя на темный угол, где стоял И Яньци.

А затем И Яньци увидел, как тот подбежал к нему, заморгал своими глазами необычного цвета и громко спросил:

- Почему ты вечно на меня смотришь?

- Я не смотрю, - И Яньци напрягся, хотя чувствовал себя ужасно неловко.

- Ты врешь, - Гу Цзэ тоже скопировал его напряженную физиономию.

И Яньци поймали с поличным, его лицо залилось краской стыда. Лгать — это то, что делают плохие дети, выходит, он стал плохим ребенком.

- Прости.

- Я прощаю тебя, - Гу Цзэ протянул ему руку. - Поедем со мной. Мои папа и мама здесь, ты же

знаешь, они оба очень любят тебя, так что не бойся. В моей машине есть молочные конфеты и печенье, хочешь?

И Яньци облизал губы:

- Не хочу.

- Товарищ И Яньци, ты неискренен, - Гу Цзэ принял вид маленького взрослого. - Я тебя не спрашиваю, я тебя ставлю в известность.

Он шлепнул своей ладонью по руке И Яньци и потянул за собой вперед. И Яньци немного замялся:

- Но... я жду свою машину.

- Все, чего нужно ждать, нам не нужно! - возмутился Гу Цзэ. - Позвони своему водителю и скажи, что он уволен!

Двое детей шли друг за другом: один гордый и исполненный решимости, похожий на победоносного полководца, другой — послушно семенивший следом за руку и время от времени украдкой поглядывающий на идущего впереди человека, словно на добычу, которую полководец привез с собой.

Две маленькие тени в закатном свете сливались воедино, то удлиняясь, то укорачиваясь, пока наконец оба не скрылись внутри того самого Линкольна, что вез их домой.

Воспоминания всегда прекрасны, и И Яньци почти бессознательно приподнял уголки губ, но, осознав это, тут же подавил улыбку.

Погасив экран телефона, И Яньци посмотрел на сцену. Краем глаза он заметил, как силуэт того человека мелькнул впереди.

Гу Цзэ не ошибся: едва аукцион подошел к концу, сидевший в самом хвосте зала Цинь Ся с кислым выражением лица, влажными от слез глазами, обиженный и разозленный, растолкал толпу и направился прямо к нему.

При одной мысли об обычных истериках Цинь Ся с его вечными слезами, угрозами и скандалами у Гу Цзэ начинала болеть голова. Наспех попрощавшись с остальными, он дал драпака, да так быстро, что Шан Жун и Чжао Личуань даже не успели на это отреагировать.

Шан Жун озадаченно почесал в затылке:

- Чего это он сегодня сам не свой?

Чжао Личуань молча проследил взглядом за тем, как Цинь Ся бросился в погоню за убегающим Гу Цзэ.

Гу Цзэ все же знал местную планировку лучше Цинь Ся, поэтому в два счета оторвался от преследователя и по ходу дела отправил тому сообщение о разрыве их неопределенных отношений. В конце концов, в текущей временной шкале Цинь Ся еще не успел натворить ничего плохого, так что во избежание сплетен Гу Цзэ счел за лучшее вежливо извиниться. Разобравшись с этим, он заблокировал и удалил все способы связи с ним, а часы с привязкой к парной геолокации давно уже стерли все данные и отправились прямиком в мусорное ведро.

Сделав это, Гу Цзэ сунул руки в карманы и глубоко вздохнул прямо в лифте: тягостная тревога последних дней наконец-то немного отступила.

События на только что прошедшем аукционе уже разошлись с сюжетом оригинального романа, но при этом он не столкнулся ни с какими ограничениями или последствиями, а значит, ход мировой истории можно изменить. Именно поэтому Гу Цзэ теперь без колебаний порвал с Цинь Ся.

Ему следовало хорошенько обдумать свой следующий шаг.

Напевая себе под нос и размахивая ключами, Гу Цзэ спустился на подземную парковку. Он думал, что окажется здесь первым, но кто-то опередил его. И Яньци уже сел в свой неизменный черный Кайен, который не менял лет сто, включил поворотник и, сделав плавный вираж, направился к выезду.

- Трудоголик ты этакий, и куда это спешишь?

На этот раз Гу Цзэ прикатил на броской розовой Бугатти, а потому тут же сорвался с места, едва завидев знакомую машину, и надавил на газ. На повороте ему показалось, что сзади кто-то мольнул фарами, решив, что кто-то еще спустился следом, но он не стал забивать этим голову — в его мыслях было лишь одно: догнать и подразнить И Яньци.

Миновав шлагбаум, они один за другим выехали на кольцевую горную дорогу. Людей здесь отродясь не водилось, и в этот час на трассе были только их две машины. Гу Цзэ прибавил газу, и после оглушительного рева мотора поравнялся с машиной И Яньци. Дважды коротко бибнув, он опустил стекло и изобразил И Яньци жест салюта.

И Яньци резко повернул голову в его сторону. Его лицо было напряжено, и хотя Гу Цзэ не мог разглядеть, смотрит ли тот с презрением, выглядел он определенно сердитым.

Гу Цзэ хмыкнул, подумав, что этот парень становится все более вспыльчивым. Но прежде чем

он успел выкинуть еще что-нибудь, в телефоне всплыло голосовое сообщение, и оттуда раздался ледяной голос И Яньци:

- Жить надоело?

Ого, это еще что значит? Гу Цзэ приподнял брови: неужели тот за него переживает?

Его машина все же была побыстрее, и спустя мгновение И Яньци уже отстал.

<http://bllate.org/book/25762/3080262>